

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	9
Миля 81. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	13
«Гармония премиум». <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	64
Бэтмен и Робин вступают в перебранку. <i>Перевод</i> <i>Т. Покидаевой</i>	78
Дюна. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	94
Гадкий мальчишка. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	109
Смерть. <i>Перевод В. Антонова</i>	152
Храм из костей. <i>Перевод С. Алукард</i>	168
Моральные принципы. <i>Перевод В. Антонова</i>	179
Загробная жизнь. <i>Перевод В. Антонова</i>	213
Ур. <i>Перевод В. Антонова</i>	228
Герман Вук еще жив. <i>Перевод И. Моничева</i>	294
Нездоровье. <i>Перевод В. Вебера</i>	318
Билли «Блокада». <i>Перевод С. Алукард</i>	337
Мистер Симпатяшка. <i>Перевод С. Алукард</i>	382
Томми. <i>Перевод Н. Сидемон-Эристави</i>	403
Маленький зеленый божок агонии. <i>Перевод</i> <i>И. Моничева</i>	409
В этом автобусе — другой мир. <i>Перевод И. Моничева</i> . . .	439
Некрологи. <i>Перевод В. Вебера</i>	451
Пьяные фейерверки. <i>Перевод В. Вебера</i>	494
Летний гром. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	526

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Некоторые из данных рассказов выходили в свет раньше, но это не значит, что они были закончены тогда, — и даже не значит, что они закончены теперь. Пока писатель не ушел в отставку или не умер, его работы не завершены; всегда можно внести изменения и правку. Тут есть и несколько совсем новых историй. И я хочу, чтобы ты знал, мой постоянный читатель: я страшно рад, что мы оба все еще здесь. Круто, да?

С.К.

Я стреляю от бедра и владею собой.

AC/DC

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Я смастерил для тебя несколько вещей, мой постоянный читатель; видишь, я разложил их перед тобой в лунном свете. Но прежде чем ты возьмешься рассматривать эти маленькие сокровища ручной работы, которые есть у меня на продажу, давай поговорим о них, ладно? Это не займет много времени. Вот, садись рядом со мной. Придвигайся поближе. Я не кусаюсь.

Хотя... мы знакомы уже много лет, и ты, я думаю, знаешь, что это не совсем правда.

Да?

I

Вы удивитесь — по крайней мере, я думаю, что удивитесь, — когда узнаете, насколько много людей задают мне вопрос, почему я до сих пор пишу рассказы. Причина очень проста: это приносит мне радость, поскольку я изначально «заточен» под то, чтобы развлекать людей. Я почти не умею играть на гитаре и совсем не умею отбивать чечетку, но писать я *умею*. Вот и пишу.

По натуре я — романист, тут я с вами согласен, и мне особенно нравятся объемистые романы, захватывающие и писателя, и читателя, романы, где у вымысла есть все шансы стать миром, который будет почти реальным. Это удивительный опыт. Если длинная книга имеет успех, то писатель с читателем не просто вступают в любовные отношения — они заключают брак. Если читатели пишут мне, что им было ужасно жаль, когда «Противо-

стояние» или «11/22/63» закончились, я чувствую, что книга достигла цели.

Но все-таки стоит сказать и о более сжатом, более насыщенном опыте. Он может быть вдохновляющим и бодрящим, иногда — ошеломляющим, как вальс с незнакомкой, с которой ты больше никогда не увидишься, или как поцелуй в темноте, или красивая безделушка, выложенная на продажу на дешевеньком одеяле на уличном базаре. И да, когда выходит сборник моих рассказов, я чувствую себя лоточником, который торгует только в полночь. Я раскладываю товары и приглашаю читателей — то есть вас — подойти и выбрать изделие себе по вкусу. Но я всегда честно предупреждаю: будь осторожен, мой милый читатель, среди этих вещей есть опасные. В них скрыты ночные кошмары, они никак не идут из головы, когда вы ворочаетесь в постели, не в силах заснуть, и задаетесь вопросом, почему дверца шкафа открыта, ведь вы же помните, что закрывали ее, прежде чем лечь.

II

Я совру, если скажу, что мне нравится жесткая дисциплина ума, которой требует написание коротких рассказов. Для коротких рассказов необходимо владеть своеобразными навыками акробатики, что достигаются путем утомительных тренировок. *Легкое чтение есть продукт тяжелого труда писателя*, утверждают некоторые учителя, и это чистая правда. Промахи и ошибки, которые можно не заметить в большом романе, в коротком рассказе сразу режут глаз. Нужна жесткая дисциплина. Писателю приходится сдерживать порывы идти чарующими обходными путями, приходится держаться основного маршрута.

Именно при работе с короткой прозой я особенно остро ощущаю пределы своих возможностей. Мне доводилось бороться с ощущением собственной несостоятельности, с внутренним страхом, что я не сумею навести мост над пропастью между отличной идеей и ее воплощением. В общем, готовый продукт почти всегда кажется не в пример хуже блестящей идеи, однажды всплывшей из подсознания вместе с волнующей мыслью: *Ого! Это надо немедленно записать!*

Но иногда результат получается неплохим. Временами он получается даже лучше изначальной задумки. Я радуюсь, когда это происходит. Самое трудное — начать, и, должно быть, поэтому многие люди, мечтающие стать писателями, люди, у которых полно прекрасных идей, так и не могут заставить себя взять в руки перо или сесть за клавиатуру. Зачастую это подобно попыткам завести машину в морозный день. Поначалу мотор даже не реагирует, а только хрипит. Но если ты продолжаешь попытки (и если аккумулятор еще не умер), мотор заработает... сперва с перебоями... а потом уже по-настоящему.

Здесь есть рассказы, рожденные вспышками вдохновения (например, «Летний гром»), их надо было записывать сразу, пусть даже для этого приходилось прерывать работу над большим романом. Есть и другие, как «Миля 81», которые терпеливо ждали своей очереди десятилетиями. Однако жесткая сосредоточенность, необходимая для сочинения хорошего рассказа, всегда остается неизменной. Создание романа немного похоже на игру в бейсбол, где матч длится столько, сколько нужно, пусть даже до двадцати иннингов. Рассказ — это футбольный или баскетбольный матч: ты соревнуешься не только с командой соперников, но и со временем.

Когда речь идет о сочинении — что длинных романов, что коротких рассказов, — ты никогда не перестаешь учиться. Пусть в налоговой декларации я именуюсь профессиональным писателем, но с точки зрения творческого процесса все равно остаюсь любителем, все еще обучаюсь своему мастерству. Так происходит со всеми. Каждый день, посвященный писательству, — это учеба и битва за то, чтобы создать что-то новое. Филонить не разрешается. Нельзя приумножить талант — он поставляется в комплекте, — но можно добиться того, чтобы талант не скукожился. По крайней мере, мне бы хотелось так думать.

И да! Мне до сих пор это нравится.

III

Так что вот мой товар, постоянный читатель. Сегодня я продаю всего понемногу: чудовище, которое маскируется под машину (намек на «Крестину»), человека, способного убить тебя,

написав твой некролог, электронную читалку с доступом в параллельные миры и к любимому всеми концу света. Я продаю эти вещицы, когда остальные торговцы давно разошлись по домам, когда улицы пустынь и над каньонами города встает холодная долька луны. Вот тогда я расстилаю *свое* одеяло и выкладываю *свой* товар.

Но хватит болтать. Может, теперь ты захочешь что-то купить? Все, что ты видишь, — ручная работа, и хотя мне очень дорого каждое из разложенных здесь изделий, я буду счастлив продать их тебе, потому что сделал их специально для тебя. Можешь смотреть, можешь трогать, но будь осторожен.

У самых лучших есть зубы.

6 августа 2014 г.

МИЛЯ 81

Когда мне было девятнадцать и я учился в Мэнском университете, я периодически ездил из Ороно в маленький городок Дарем, который обычно описываю в своих книгах под названием Харлоу. Эти поездки я совершал по выходным, примерно раз в три недели, чтобы повидаться со своей девушкой... и заодно с мамой. У меня был подержанный «Форд»-универсал 1961 года: «шесть в ряд вмиг домчат» и «три ступеньки под баранкой» (если не знаете, что это значит, спросите у папы). Машина досталась мне по наследству от брата Дэвида.

В те годы на шоссе I-95 не было такого плотного движения, как сейчас, а после Дня труда, когда отдыхающие возвращались к рабочим будням, машин на некоторых участках не наблюдалось вообще. Сотовых телефонов тогда тоже еще не было. В случае поломки где-то на трассе выбирать приходилось из двух вариантов: чинить тачку самостоятельно или дожидаться, пока какой-нибудь добрый самаритянин не отбуксирует тебя до ближайшей автомастерской.

Во время этих поездок у меня развился панический страх перед восемьюдесятью пятой милей, обозначенной указателем «Миля 85», стоявшим посреди чистого поля где-то между Гардинером и Льюистоном. Почему-то во мне поселилась уверенность, что если моя колымага откинёт колеса, то это случится именно здесь. Я прямо видел, как мой бедный «фордик» стоит на обочине, брошенный и одинокий. Притормозит ли кто-нибудь, чтобы убедиться, что с водителем все в порядке? Что он не корчится на сиденье, умирая от сердечного приступа? Разумеется, кто-нибудь остановится. Добрые самаритяне есть повсюду, и особенно — в захолустье. Люди из захолустья всегда помогают своим.

Но, допустим, подумалось мне, мой старенький универсал — вовсе не то, чем кажется. Допустим, что это замаскированное чудовище, смертельная ловушка для неосторожных. Из этого может выйти отличный рассказ, решил я, и рассказ был написан. Я назвал его «Миля 85». Я ни разу не правил этот рассказ, не говоря уже о том, чтобы опубликовать, потому что потерял его. В те годы я регулярно закидывался кислотой и всегда все терял. Включая — на время — собственный рассудок.

Пролетело почти сорок лет. И хотя в двадцать первом веке движение на шоссе I-95 стало оживленнее, после Дня труда машин все равно становится намного меньше, а из-за сокращения бюджета власти штата были вынуждены закрыть многие придорожные зоны отдыха. Автозаправку с «Бургер кингом» (где я истребил немало «вопперов») неподалеку от съезда на Льюистон тоже закрыли. Она стояла заброшенная и унылая за знаками «НЕ ВХОДИТЬ» на барьерах, что перегораживали въезд и выезд. Асфальт на стоянке растрескался от зимних морозов, сквозь трещины проросли сорняки.

Однажды, проезжая мимо, я вспомнил свой давний потерявшийся рассказ и решил написать его заново. Заброшенная заправка располагалась чуть южнее пугающей восемьдесят пятой мили, и мне пришлось изменить название. Все остальное, кажется, не изменилось. Возможно, этого придорожного оазиса уже нет — как нет старого «Форда»-универсала, моей тогдашней подружки и многих прежних привычек, — но остался рассказ. Один из моих любимых.

1. ПИТ СИММОНС («ХАФФИ» 2007-ГО)

Тебе с нами нельзя, — сказал старший брат.

Джордж говорил вполголоса, хотя все его друзья-приятели (компания соседских мальчишек двенадцати-тринадцати лет, именовавших себя «Чумовыми громилами») ждали на углу, в конце квартала. Ждали с явным нетерпением.

— Это опасно.

Пит храбро ответил:

— Я не боюсь.

Хотя он, конечно, *боялся*. Чуть-чуть. Джордж с друзьями собирались к карьеру за кегельбаном. Там они хотели играть в игру, которую придумал Норми Терриоль. Норми был вожакom «Чумовых громил», а игра называлась «Десант из ада». Смысл ее состоял в том, чтобы разогнаться на бугристой тропинке, ведущей к краю гравийного карьера, и слететь оттуда вниз, на кучу песка. В полете требовалось спрыгнуть с велика, вопя во все горло: «Громилы круче всех!» Там было невысоко, футов десять, не больше, а песок был мягким и рыхлым, но рано или поздно кто-то наверняка промажет и вместо песка улетит на гравий. Сломает руку или ногу. Даже Пит понимал, как это опасно (но в этом-то и заключалась вся прелесть!). Если бы что-то случилось, родители бы точно узнали об их забавах и «Десанту из ада» конец. Но пока игра продолжалась — и в нее, ясное дело, играли без шлемов.

Однако Джордж прекрасно понимал, что младшего брата нельзя брать в игру; пока родители были на работе, он присма-

тривал за Питом. Если бы Пит повредил велосипед в гравийном карьере, Джорджа ждало бы наказание и запрет выходить из дома на неделю, не меньше. Если Пит сломает руку, Джордж не выйдет гулять целый месяц. А если Пит — не дай бог! — свернет себе шею, Джорджу придется сидеть под домашним арестом до окончания школы.

К тому же он любил маленького сопляка.

— Ты пока тут потусуйся, — сказал Джордж. — Мы через пару часов вернемся.

— *С кем* мне тусоваться? — угрюмо спросил Пит. В школе весенние каникулы, все *его* друзья — «подходящие по возрасту», как сказала бы мама, — разъехались кто куда. Двоих повезли в Диснейуорлд в Орландо, и когда Пит думал об этом, его сердце переполнялось завистью, черной злой завистью.

— Ну займись чем-нибудь, — сказал Джордж. — Типа сходи в магазин. — Он сунул руку в карман и достал две смятые долларовые бумажки. — Вот тебе деньги.

Пит быстро взглянул на них.

— Ого, куплю себе «корвет». Может быть, даже два.

— Симмонс, давай быстрее! — крикнул Норми. — А то уедем без тебя!

— Уже иду! — крикнул в ответ Джордж, а потом обратился к Питу, снова вполголоса: — Бери деньги и не будь мерзкой соплей.

Пит взял деньги и сказал:

— Я захватил лупу. Хотел показать им...

— Они уже тысячу раз видели этот малышовой фокус, — перебил Джордж, но, заметив, как сник брат, попытался смягчить удар: — К тому же ты посмотри на небо, дубина. Солнца нет, сплошные тучи. В общем, ладно. Давай. Потом, когда вернусь, поиграем с тобой на компьютере, в «Морской бой», например.

— Все, мы поехали! — крикнул Норми.

— Мне пора, — сказал Джордж. — Пожалуйста, не влипай в неприятности. И не отходи далеко от дома.

— Может, ты себе спину сломаешь на хрен и останешься парализованным до конца жизни, — пробурчал Пит и тут же сплюнул через «козу» из двух пальцев, чтобы быстрее отменить проклятие. — *Удачи!* — крикнул он брату в спину. — *Победи всех!*

Джордж махнул рукой, давая понять, что услышал, но не обернулся. Он крутил педали своего огромного старого «швина». Пит восхищался велосипедом, но ездить на нем не мог (он однажды попробовал и свалился прямо во дворе). Он смотрел, как брат набирает скорость и летит вдоль квартала частных домов в пригороде Оберна, спеша присоединиться к друзьям.

Потом Пит остался один.

Он достал лупу из подседельной сумки и поднес к предплечью, но пятнышка света не получилось. Ни пятнышка, ни тепла. Пит уныло уставился в хмурое небо, затянутое облаками, и убрал лупу обратно в сумку. Это была очень хорошая лупа, «Ричфорт». Питу подарили ее на прошлое Рождество для школьного проекта с муравьиной фермой.

— Все равно в конце концов она будет собирать пыль в гараже, — сказал папа.

Проект они сдали еще в феврале (Пит и его напарница Тэмми Уитем получили пятерки), но Пит до сих пор не расстался с лупой. Вопреки папиным прогнозам она ему не надоела. Больше всего ему нравилось прожигать дырки в кусочках бумаги на заднем дворе.

Но не сегодня. Сегодняшний день раскинулся перед ним как бескрайняя пустошь. Можно было бы вернуться домой и посмотреть телевизор, однако отец заблокировал все интересные каналы, когда обнаружил, что Джордж записывает на диски «Подпольную империю», где сплошные гангстеры и голые сиськи. На компьютере Пита тоже стоял «родительский контроль», и он еще не разобрался, как его обойти. Но он обязательно что-то придумает, дайте время.

Ну и?

— Ну и чем мне заняться? — пробурчал он и поехал, медленно крутя педали, к концу Мерфи-стрит. — Чем... на хрен... заняться?

Слишком маленький, чтобы играть в «Десант из ада», потому что это опасно. Усратья можно. Ему хотелось замутить что-нибудь этакое, чтобы показать Джорджу, Норми и всем остальным всадникам, что даже маленькие дети не боятся опаснос...